ПЕРВАЯ ПЕРВИНКА

ПОЛУГРАМОТНОЙ ВНУКѢ.

Е 66/361

СКАЗКИ, ПѢСЕНКИ, ИГРЫ.

НЕ КОПИРОВАТ

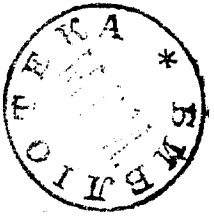
ПЕРЕСМОТРЕНО

В. И. Далемъ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ Т. РИСЪ, НА САД. РЯДОМЪ СЪ ЯУЗСКОЙ Ч., Д. МЕДЫНЦЕВОЙ.
1870.

Дозволено Цензурой. Москва, 7 Марта, 1870 г.

ОЛСТ-С



ОТЪ ПРАВЩИКА.

Книженка для малыхъ дѣтей, чуть не букварь, всего въ нѣсколько листковъ, первая первинка ребенку, да еще отчасти сборничекъ—и къ этому особое предисловіе! Не слишкомъ ли много важности?

А важность вотъ какая: на дняхъ у насъ читали вслухъ извѣстный нѣмецкій романъ, кажется переведеный и у насъ, гдѣ кормилица коро-

левская, взятая изъ неграмотныхъ крестьянокъ, негодуетъ на сторонних людей, даже на самоё мать, на королеву, когда они, при младенцѣ королевичѣ говорятъ по французски; она убѣждена, что питомца ея можно этимъ испортить.

Да, подумалъ я, чуть ли всѣ мы не такіе же порчельники. Свое, родное, и доброе и худое, обходитъ насъ съ самого младенчества, словно тѣнь, словно что чужое; родители и воспитатели, не вѣдая что творятъ, направляютъ всю духовную и нравственную жизнь нашу на чужбину — а че-

ловѣкъ, не пріуроченый съ пеленъ къ своей почвѣ, едва ли къ ней приживется. А какъ ему къ ней пріурочиться, коли онъ сокомъ ея не питался и едва ее знаетъ?

Книжечка эта руская, по духу, по отношеніямъ къ быту, къ жизни народа. Можетъ статься иные родители признаютъ это добрымъ; въ такомъ случаѣ вѣроятно вскорѣ послѣдуетъ и продолженье, позатѣйливѣе.

В. И. Даль.

I.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВЪ.

Гдѣ то въ деревнѣ сшалила лиса, не то цыплятъ она поѣла, не то куръ передушила, вотъ и стали ее караулить. Наша лисица хитра, какъ разъ смекнула въ чемъ дѣло, да и побѣжала оттуда далеко, далеко, за долы, за горы, въ дремучіе лѣса; бѣжавши она пріумаялась и думаетъ про себя: гдѣ бы чего перехватить, поѣсть? почуяла она по землѣ— ничего не слыхать; повела но-

сомъ по-верху — скоромнымъ пахнетъ; глядитъ, а надъ нею сидитъ глухарь, черный, краснобровый тетеревъ, онъ же мошникъ, сидитъ и по-своему, по тетеревиному бормочетъ: бу бу бу, да опять бу бу бу. Лисица облизнулась, подошла къ тетереву, да и говоритъ: здорово, Терентій! а тетеревъ ничего не слышитъ, знай себѣ бормочетъ; вотъ лиса переждала, да какъ онъ смолкъ, чтобы перевести духъ, она откашлялась и говоритъ ласковымъ голоскомъ: здорово, Терентій! а я въ городѣ была!

Бу бу бу, была, такъ была!

Терентій, а Терентій, а я тамъ указъ добыла!

Бу бу бу, бу бу бу, добыла, такъ добыла!

Чтобы вамъ, тетеревамъ, не сидѣть по деревамъ, а гулять по зеленымъ лугамъ!

Бу бу бу, бу бу бу, по лугамъ, такъ по лугамъ.

Тетеревъ, глупъ, не догадливъ, его и не лиса, такъ обманетъ; вотъ онъ ужь и собрался было слетѣть къ ней по указу въ лапы, на луга, какъ послышался стукъ телеги.

Терентій, а Терентій, кто тамъ ѣдетъ? спросила лиса, заслышавъ стукъ колесъ и

собачій лай; а лиса собакъ не любитъ, она ихъ боится.

Бу бу бу, мужикъ ѣдетъ, отвѣтилъ Терентій.

А кто за нимъ бѣжитъ? допрашивала лиса.

Должно быть жеребенокъ.

Тетереву все равно, жеребенокъ ли, собака ли бѣжала за телегой; ему-то одно, да лисѣ не одно.

Ахъ ты, тетеря, сердито проворчала лиса, вслухъ же назвала Терешенькой и спросила: А какой у того жеребенка хвостъ, помеломъ или крючкомъ?

Бу бу бу, крючкомъ, такъ крючкомъ.

Тутъ лисица догадалась, что это не жеребенокъ, а собака.

Ну такъ прощай, Терентій, мнѣ недосугъ, дома ждутъ; сказавъ это, лиска махнула хвостомъ и была такова.

II.

КОЛОМЕНСКАЯ ЖЕЛТАЯ РѢПКА.

Жили были старикъ со старухой, да третья внучка; пришла весна, снѣгъ стаялъ; вотъ и говоритъ старуха: пора огородъ копать; вѣстимо пора, сказалъ старикъ, наточилъ заступъ и пошелъ въ огородъ. Ужъ онъ его копалъ, копалъ, всю землю по комочку перебралъ и вспушилъ гряды на диво; похвалила старуха гряды и посѣяла рѣпу. Взошла рѣпа, растетъ и зелена и ку-

дрява, ботва стелется по землѣ, а подъ землею дуется наливается желтая рѣпа, вверхъ претъ, изъ земли лѣзетъ. Экая рѣпа! говорятъ сосѣди, поглядывая черезъ плетень! А дѣдушка съ бабушкой да со внучкой радуются да приговариваютъ: будетъ намъ что постомъ печь да парить! Вотъ пришелъ Успенскій постъ, что Госпоженками зовутъ, захотѣлось дѣдушкѣ поѣсть рѣпки парёнки, пошелъ въ огородъ, захватилъ рѣпу за ботву, и ну тянуть; тянетъ, потянетъ, вытянуть не можетъ; крикнулъ старуху, старухапришла,схва-

тилась за дѣдушку и ну тянуть; тянутъ потянутъ вдвоемъ, вытянуть рѣпки не могутъ; пришла внучка, схватилась за бабушку, и ну втроемъ тянуть; онѣ рѣпку тянутъ потянутъ, а вытянуть не могутъ. Прибѣжала дворняжка жучка, уцѣпилась за внучку, и всѣ самчетвертъ тянутъ потянутъ, а рѣпки вытянуть не могутъ! Старикъ запыхался, старуха закашлялась, внучка плачетъ, жучка лаетъ; прибѣжалъ сосѣдъ, схватилъ жучку за хвостъ, жучка за внучку, внучка за бабушку, бабушка за дѣдушку, дѣдушка за рѣпку, тянуть

потянутъ, а вытянуть не могутъ! Тянули, тянули, да какъ оборвется ботва, такъ всѣ и полетѣли навзничь: дѣдушка на бабушку, бабушка на внучку, внучка на жучку, жучка на сосѣда, а сосѣдъ на землю. Бабушка Ахъ! дѣдушка руками махъ, внучка плачетъ, жучка лаетъ, сосѣдъ затылокъ потираетъ, а рѣпка, какъ ни въ чемъ не бывала, сидитъ въ землѣ! Почесался сосѣдъ да и говоритъ: эхъ дѣдушка, борода выросла а ума не вынесла; давай заступъ, выковырнемъ ее изъ земли! Тутъ и старикъ со старухой дога-

дались, схватились за заступъ и ну обрывать рѣпу; обрыли, вынули, отрясли, а рѣпа такова, что ни въ одинъ горшокъ не лѣзетъ; какъ быть? старуха взяла посадила ее на сковороду, испекла, и съѣли ее съ сосѣдомъ самчетвертъ, а жучкѣ кожурки отдали. Вотъ и сказка вся, больше сказывать нельзя.

III.

ЛАДНО И НЕ ЛАДНО.

«Гдѣ ты братъ былъ?»—Въ Москвѣ на торгу.» Что по чему?»—Рожь да овесъ помѣшкамъ, а денги по мошнамъ. «А съ чѣмъ въ городъ ѣздилъ?» Ѣздилъ братъ съ рожью. «Ладно братъ ладно!» Ладно да не больно.—«А что жъ таково?»—Да вотъ каково: ѣхалъ я рѣкой да рожь подмочилъ. —«Плохо братъ плохо!»—Плохо да не больно. «А что жъ таково?» Да вотъ каково: я со-

лоду наростилъ, да пива наварилъ.—«Ладно, братъ, ладно.» Ладно да не больно. «А что жъ таково?»—Да вотъ каковò: пришли свиньи, да пиво выпили.—«Плохо, братъ, плохо!» Плохо, да не больно.—«А что жъ таково?» Да вотъ каковò: я свиней то перебилъ, да чанъ мяса насолилъ! «Ладно братъ, ладно.» Ладно, да не больно. «А что жъ таково?» Да вотъ каково: пришли кошки, все мясо поѣли! «Плохо братъ, плохо!» Плохо да не больно.—«А что жъ таково?» Да вотъ каковò: я кошекъ перебилъ, женѣ шубу сшилъ. «Ладно

братъ, ладно!» Ладно да не больно.—«А что жъ таково?» —Да вотъ каковò: пришли воры, да шубу украли.—«Плохо братъ плохо!»—Плохо да не больно. «А что жъ таково?» Да вотъ каковò: я воровъ переловилъ, да въ тюрму засадилъ. «Ладно братъ ладно, туда имъ и дорога!»

IV.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ.

Летала сова веселая голова, вотъ она летала, летала да и сѣла, головой повертѣла по сторонамъ посмотрѣла, снялась и опять полетѣла; летала, летала да сѣла, головой повертѣла, по сторонамъ посмотрѣла, а глаза у нея какъ плошки, не видятъ ни крошки!

Это не сказка, это присказка, а сказка впереди.

Пришла весна по зиму, и ну ее солнышкомъ гнать до-

пекать, а травку муравку изъ земли вызывать; высыпала выбѣжала травка на солнышко поглядѣть, вынесла цвѣты первые подснѣжные: и голубые и бѣлые, сине-алые и желто-сѣрые. Потянулась изза моря перелетная птица: гуси да лебеди, журавли да цапли, кулики да утки, пѣвчія пташки и хвастунья синичка. Всѣ слетѣлись къ намъ на Русь гнѣзда вить, семьями жить: вотъ разошлись они по своимъ волостямъ, по степямъ, по лѣсамъ, по болотамъ, по ручьямъ.

Стоитъ журавль одинъ въ

полѣ, по сторонамъ поглядываетъ, головушку поглаживаетъ, а самъ думаетъ: надоде мнѣ хозяйствомъ обзавестись, гнѣздо свить да хозяюшку добыть. Вотъ свилъ онъ гнѣздо вплоть у болота, а въ болотѣ въ кочкарникѣ сидитъ долгоносая долгоногая цапля, сидитъ, на журавля поглядываетъ, да про себя посмѣивается: вѣдь уродился же неуклюжій какой! Тѣмъ временемъ надумался журавль, дай, говоритъ, посватую цаплю, она въ нашъ родъ пошла, и клювъ нашъ, и на ногахъ высока. Вотъ и пошелъ онъ нетороной

дорожкой по болоту, тянъ да тянъ ногами, а ноги да хвостъ такъ и вязнутъ; вотъ онъ упрется клювомъ хвостъ вытащитъ, а клювъ увязнетъ, клювъ вытащитъ, хвостъ увязнетъ, насилу до цаплиной кочки дошелъ, поглядѣлъ въ тростникъ и спрашиваетъ: а дома ли сударушка цапля?

Здѣсь она, что надо! отвѣтила цапля.

Иди за меня за мужъ, сказалъ журавль!

Какъ не такъ, пойду я за тебя за долговязаго, на тебѣ и платье нѣмецкое короткое, и самъ ты пѣшкомъ гуляешь,

скупо живешь, меня на гнѣздѣ съ голоду уморишь!

Слова эти показались журавлю обидными, молча онъ повернулъ, да и пошелъ домой; тяпъ да тяпъ, тяпъ да тяпъ.

Цапля сидючи дома пораздумалась: а что и вправду, для чего я ему отказала, нежто мнѣ лучше жить одной? онъ хорошаго роду, зовутъ его щеголькомъ, ходитъ съ хохолкомъ; пойду къ нему доброе слово перемолвить. Пошла цапля, а путь по болоту не близокъ! то ногу увязитъ, другую вытащитъ, другую увязитъ, крылышко вытащитъ

клювъ засадитъ; ну пришла, и говоритъ: журавль, я иду за тебя! нѣтъ цапля, говоритъ ей журавль, ужъ я раздумалъ, не хочу на тебѣ жениться, иди туда откуда пришла!

Стыдно стало цаплѣ, закрылась крылышкомъ и пошла къ своей кочкѣ; а журавль, глядя за нею, пожалѣлъ что отказалъ; вотъ онъ выскочилъ изъ гнѣзда и пошелъ слѣдомъ за нею болото мѣсить, приходитъ и говоритъ: ну такъ ужъ и быть, цапля, я беру тебя за себя; а цапля сидитъ сердитая пресердитая и говоритъ съ журавлемъ не хочетъ.

Слышишь, сударыня, цапля, я беру тебя за себя, повторилъ журавль. Ты берешь, да я нейду, отвѣчала она.

Нечего дѣлать, пошелъ опять журавль домой; эдакая нравная, подумалъ онъ, теперь ни за что не возму ее!

Вотъ усѣлся журавль въ травѣ и глядѣть не хочетъ въ ту сторону гдѣ цапля живетъ.

А та опять передумала: лучше жить вдвоемъ чѣмъ одной, пойду, помирюсь съ нимъ и выду за него. Вотъ и пошла опять ковылять по болоту, путь до журавля дологъ, болото вязко, то ножку увязитъ,

другую вытащитъ, другую увязитъ, крылышко вытащитъ, клювъ засадитъ, всилу добралась до журавлинаго гнѣзда и говоритъ: журанька, послушай-ка, ужъ такъ и быть я иду за тебя!

А журавль ей въ отвѣтъ: нейдетъ Ѳедора за Егора, а и пошла бы Ѳедора за Егора, да Егоръ не беретъ; сказавъ такія слова, журавль отвернулся. Цапля ушла.

Думалъ, думалъ журавль, да опять пожалѣлъ, для чего было ему не согласиться взять за себя цаплю, пока та сама хотѣла; всталъ скорехонько

и пошелъ опять по болоту: тяпъ, тяпъ ногами, а ноги да хвостъ такъ и вязнутъ; вотъ упрется онъ клювомъ, хвостъ вытащитъ, клювъ увязитъ, а клювъ вытащитъ, хвостъ увязнетъ. Вотъ такъ то и по сію пору ходятъ они другъ за дружкой, дорожку проторили, а пива не сварили.

V.

ВОЙНА ГРИБОВЪ СЪ ЯГОДАМИ.

Краснымъ лѣтомъ всего въ лѣсу много, и грибовъ и всякихъ ягодъ! земляники съ черникой, и малины съ ежевикой, и черной смородины. Ходятъ дѣвки по лѣсу ягоды собираютъ, пѣсенки распѣваютъ, а грибъ боровикъ, подъ дубочкомъ сидючи, пыжится, дуется, изъ земли претъ, на ягоды гнѣвается: вишь, что ихъ уродилось! Бывало и мы въ чести въ почетѣ, а нынѣ ник-

то на насъ и не посмотритъ! Постой же, думаетъ боровикъ, всѣмъ грибамъ голова, насъ грибовъ сила великая, пригнетемъ, задушимъ ее, сладкую ягоду!

Задумалъ загадалъ боровикъ войну, подъ дубомъ сидючи, на всѣ грибы глядючи, и сталъ онъ грибы сзывать, сталъ помочь скликать:

Идите вы, бѣлянки, со мной на войну!

Отказалися бѣлянки, мы природныя дворянки, стать ли намъ на войну идти!

Ну такъ вы, волнушки, выступайте на войну! отказалися волнушки, мы все старыя

старушки неповинны на войну.

Идите вы, опенки!

Отказалися опенки: у насъ ноги больно тонки, не пойдемъ на войну!

Эй вы, сморчки! крикнулъ грибъ боровикъ, снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки: мы хилые старички, ужъ куда намъ на войну!

Разсердился грибъ, прогнѣвился Боровикъ на свою волость грибную и крикнулъ онъ громкимъ голосомъ: Груздди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись Грузди съ Подгруздками: мы Грузди братья дружны, мы идемъ съ тобой на войну, на лѣсную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаемъ, пятой затопчемъ! Сказавъ это, Грузди полѣзли дружно изъ земли, сухой листъ надъ головами ихъ вздымается, грозная рать подымается.

Ну быть бѣдѣ, думаетъ зеленая травка.

А на ту пору пришла съ коробомъ въ лѣсъ тетка Варвара широкіе карманы; увидавъ великую груздевую силу, ахнула, присѣла и ну гри-

бы сподрядъ брать, да въ кузовъ класть; набрала его полнымъ полнешенько, на силу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родамъ, по чинамъ, да по званію: Бѣлянки въ банки, Волнушки въ кадушки, Опенки въ боченки, Сморчки въ бурачки, Груздки въ кузовки, а набольшій грибъ Боровикъ попалъ въ вязку, его пронизали, высушили да купцамъ и продали. Съ той поры пересталъ грибъ съ ягодою воевать.

VI.

СТАРИКОВО ВЕЛИКОЕ ГОРЕ.

Жилъ былъ старикъ со старухой, у нихъ была курочка рябушечка; снесла рябушечка первое яичко въ кутѣ передъ печкой, подъ самымъ окошкомъ; пестро востро костяно мудрено.

Положила старуха яичко на полочку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полочку свернула, яичко скатилось, объ полъ разбилось. Старикъ плачетъ, старуха рыдаетъ, ку-

рочка кудахчетъ, огонь въ печи пылаетъ, двери скрыпятъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ. Сбѣжались сосѣди: что, что?

Старикъ говоритъ: вотъ такъ и такъ, наша курочка рябушечка снесла яичко, пестро востро костяно мудрено. Положила старуха яичко на полку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полку свернула, яичко скатилось, объ полъ разбилось; я старикъ плачу, старуха рыдаетъ, курочка кудахчетъ, огонь въ печи пылаетъ,

двери скрыпятъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ! Какъ услыхали сосѣди про стариково горе, такъ развели руками и ну вопить на всё село.

Сбѣжалось село: что, что?

Старикъ говоритъ: вотъ такъ и такъ, наша курочка рябушечка, снесла яичко пестро, востро, костяно, мудрено. Положили яичко на полочку, мышка бѣжала, хвостикомъ вильнула, полку свернула, яичко скатилось, объ полъ разбилось! Я старикъ плачу, старуха рыдаетъ, курочка кудах-

четъ, огонь въ печи пылаетъ, двери скрыпятъ, соръ подъ порогомъ вскружился, тынъ покосился, ворота хлопаютъ, щепы въ поле летятъ, сосѣди на все село плачутъ, руками машутъ! Тутъ заголосило все село въ голосъ, стало рвать на себѣ волосъ, тужить по стариковомъ великомъ горѣ.

VII.

ВОРОНА.

Жила была у насъ на Руси ворона, и жила она не одна, а съ няньками, мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними и дальними сосѣдками. Прилетѣли птицы изъ заморья, большія и малыя, гуси и лебеди, пташки и пичужки, свили гнѣзда въ горахъ, въ долахъ, въ лѣсахъ, въ лугахъ и нанесли

яичекъ; подмѣтила это ворона, и ну перелетныхъ птицъ обижать, у нихъ яички таскать! Летѣлъ сычъ и увидалъ, что ворона большихъ и малыхъ птицъ обижаетъ, яички таскаетъ. Постой, говоритъ онъ, негодная ворона, найдемъ на тебя судъ и расправу! И полетѣлъ онъ далеко, въ каменныя горы, къ сизому орлу, прилетѣлъ и проситъ: Батюшка сизой орелъ, дай намъ свой праведный судъ на обидчицу ворону, отъ нея житья нѣтъ, ни малымъ, ни большимъ птицамъ: наши гнѣзда зоритъ, дѣтенышей крадетъ, яйца таска-

етъ, да ими своихъ воронятъ питаетъ!

Покачалъ сизой орелъ головою и послалъ за вороной легкаго, меншаго своего посла воробья. Воробей вспорхнулъ и полетѣлъ за вороной; она было ну отговариваться, а на нее поднялась вся птичья сила, всѣ пичуги, и ну ее щипать, клевать, къ орлу на судъ гнать. Нечего дѣлать, каркнула и полетѣла, а всѣ птицы взвились, на улику слѣдомъ за ней понеслись. Вотъ и прилетѣли онѣ къ орлову жилью и обсѣли его, а ворона стоитъ посереди, да обдергивается

передъ орломъ, охорашивается.

И сталъ орелъ ворону допрашивать: про тебя, ворона, сказываютъ, что ты на чужое добро ротъ розѣваешь у большихъ и малыхъ птицъ дѣтенышей да яйца таскаешь?

Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина, я только однѣ скорлупки подбираю!

Еще про тебя жалоба до меня доходитъ, что какъ выдетъ мужичокъ пашню засѣвать, такъ ты подымешься со всѣмъ своимъ содомомъ, съ гальемъ, съ воронъемъ, и ну сѣмена клевать.

Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! Я съ подружками, съ малыми дѣтками, съ чадами, домочадцами только червячковъ изъ свѣжей пашни таскаю!

А еще на тебя всюду народъ плачется, что какъ хлѣбъ сожнутъ, да снопы въ копны сложатъ, то ты налетишь со всѣмъ содомомъ своимъ, со всею чернью, гальемъ, воронъемъ. и давай озорничать, снопы ворошить да копны разбивать!

Напраслина, батюшка сизой орелъ, напраслина! мы это все ради добраго дѣла, по благо-

стынѣ своей помогаемъ, конны разбираемъ, солнышку да вѣтру доступъ даемъ, чтобы хлѣбушка не проросъ, да зерно просохло!

Разсердился орелъ на старую врунью ворону, велѣлъ ее засадить въ острогъ, въ решетчатый теремокъ, за желѣзные засовы, за булатные замки—тамъ она сидитъ и по сей день!

VIII.

ЖУРАВЛЬ ВЪ НЕБѢ НЕ ДОБЫЧА.

Жилъ былъ мужичокъ безъ земли, безъ пашни, безъ кола, безъ двора, безъ скотинки. словомъ, какъ есть бобыль. Голодъ моритъ, по свѣту гонитъ, говоритъ пословица; нанялся бобыль къ богатому мужику въ работники; дѣло учитъ, дѣло мучитъ, дѣло и кормитъ; сытъ нашъ бобыль и одѣтъ и

въ угрѣвѣ, а все своя воля на умѣ. Идетъ онъ разъ полемъ, и видитъ подъ кустомъ лежитъ заяцъ; вотъ онъ поднялъ булыжникъ и думаетъ; это мнѣ кладъ дается, убью я зайца, продамъ его, а на денги куплю поросёночка; выкормлю поросенка, станетъ онъ свинкой, свинка та же скотинка, свинка моя выведетъ двенадцать поросятъ, поросенокъ вырастетъ, большой свиньей будетъ, каждая свинья выведетъ по двенадцати поросятъ, и будетъ у меня стадо во сто сорокъ и пять свиней; тутъ то обзаведусь я своимъ домкомъ.

сосватою лучшую дѣвку на деревнѣ, и заживетъ она у меня барыней; старшаго сына назову Иваномъ, подстаршаго Тимофѣемъ, середняго Дорофеемъ, малаго Еремѣемъ, подмалаго Андреемъ; станутъ сынки расти какъ грибки, я ихъ на работѣ не умучу, найму работниковъ, а сыновья станутъ за батраками надсматривать, а я изъ окошка на дворъ поглядывать да порядки чинить: Андрей, Еремей, Дорофей, Тимофей, Ванюша, что балуете, дѣла не дѣлаете, за работниками не приглядываете, аль въ бѣдности не живали? вотъ я

васъ! Бобыль нашъ такъ крикнулъ что заяцъ проснулся, вскочилъ и далъ тягу. Вотъ те на! сказалъ мужичокъ почесываясь, вотъ те и свинки съ избой, и хозяюшка съ Ванюшей и съ Андрюшей, съ Тимошей, и съ Дорошей, и съ Еремушкою! И пошелъ своимъ, путемъ все тѣмъ же бобылемъ!

IX.

ПРО МЫШКУ-НОРЫШКУ.

Въ по̀дполѣ-подпо̀льѣ жила была мышка, по прозванью норышка; вздумалось разъ мышкѣ поглядѣть на барскія хоромы и стала она прогрызаться сквозь половицу; остеръ зубокъ, да попалъ на сучокъ: грызла, грызла, насилу прогрызла! Глянула—у, батюшки, какъ свѣтло! пожалуй еще

увидятъ меня! Вотъ мышка норышка опять юркнула въ нору. Пришла ночь, въ домѣ всѣ полегли; выскочила наша норышка и пошла бѣгать по дому; тутъ крошечки подберетъ, тамъ сахарцу погрызетъ; нашла сухарь и потащила его въ свою норку: сухарь великъ, въ нору не лѣзетъ, какъ быть, надо его перепилить; и стала норышка грызть вприпадку. Барыня проснулась, зажгла свѣчку, мышка испугалась, да кубаремъ въ подполье. День прошелъ, у мышки все сухарь на умѣ; высунула мордочку, понюхала, поглядѣла, а суха-

ря ужъ нѣтъ, дѣвка чернавка сухарь убрала и мышку обругала. Норышка побѣжала по хоромамъ, напилась, наѣлась до отвалу, а все жадность разбираетъ; нашла на столѣ корочку, потащила ее со стола въ норочку, возилась, возилась, да съ нею вмѣстѣ объ полъ и грянулась. Барыня проснулась, мышка въ норку метнулась, дѣвка чернавка вскочила, мышеловку насторожила, мышкѣ норышкѣ пригрозила: ужъ постой ты мышка норышка, ты плутовка воровка, мы до тебя доберемся, въ полонъ возмемъ, кандалы на-

бьемъ! Вотъ дѣвка чернавка ушла, а мышка усомъ повела, что-то говоритъ хорошо пахнетъ! Выскочила изъ подполья прямо на желѣзную клѣтку: глядь, анъ въ ней ломтикъ жаркова. Вотъ, говоритъ, и кстати, сухарикомъ-то я нынѣ закусила, а жаркова давно не ѣдала! Вскочила въ клѣтку, западня хлопнула и мышка заметалась во всѣ концы, а выскочить некуда.

А что, вѣдь говорила тебѣ, что попадешься, вотъ и попалась, сказала дѣвка чернавка, вынесла мышеловку на дворъ и выкинула мышку. Норышка,

хоть больно зашиблась, но со страху все забыла и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ; бѣжала, бѣжала, прибѣжала въ поле, а въ полѣ томъ былъ горохъ посѣянъ. Ну славно, думаетъ она, съ голоду не пропаду, только бы теперь жильемъ обзавестись; построю себѣ господскія хоромы! И стала она строиться: выстроила теремокъ хоть куда и зажила въ немъ. Вотъ и слышитъ мышка норышка кто-то шуршитъ вокругъ ея хоромъ да приговариваетъ: кто, кто въ терему, кто, кто въ высокомъ?—«Я, мышка норышка, а ты кто?

спросила она. Я ящерка шерешорочка. «Иди ко мнѣ жить,» сказала мышка. Хорошо, отозвалось ящерка, вползлавъ хоромы и стали онѣ жить вдвоемъ. Прискакала лягушка квакушка: кто, кто въ терему, кто, кто въ высокомъ? «Я, мышка норышка, да ящерка шерешорочка; а ты кто?» Я лягушка квакушка. «Иди къ намъ жить!» Ладно, сказала лягушка, и вскочила въ теремокъ. Стали жить втроемъ. Прискакала бѣлочка попрыгушечка: кто, кто, кто въ терему, кто кто въ высокомъ? «Я, мышка норышка, да ящерка шерошо-

рочка, да лягушка квакушка; а ты кто?» Я бѣлочка попрыгушечка. «Иди къ намъ жить» Спасибо. Вотъ и стали жить вчетверомъ. Прибѣжалъ сѣрый зайчикъ; кто, кто въ терему кто, кто въ высокóмъ? «Я, мышка норышка, да ящерка-шерошорочка, да лягушка-квакушка, да бѣлка-попрыгушка! Иди къ намъ жить!» Отчего же не идти! Вотъ и стали жить впятеромъ. Прибѣжала лиса-патрикѣевна: кто, кто въ терему, кто, кто въ высокóмъ? «Я, мышка-норышка, да ящерка-шерошорочка, да лягушка-квакушка, да бѣлочка-попры-

гушечка, да сѣрый зайка-увертышекъ; а ты кто?» Я лисичка-сестричка, всему полю краса. «Иди къ намъ жить.» Пожалуй. Вотъ и стали жить вшестеромъ. Пришелъ сѣрый волкъ; кто, кто въ терему, кто, кто въ высокомъ? «Я, мышка-норышка, да ящерка-шорошорочка, да лягушка-квакушка, да бѣлочка-попрыгушка, да сѣрый зайчикъ-увертышекъ, да лисичка-сестричка, всему полю краса; а ты кто?» А я сѣрый волкъ, изъ-за-куста-хватышъ! «Иди къ намъ жить!» Сторонитесь! рявкнулъ волкъ, и влѣзъ въ мышкины хоромы. Ой вол-

ченька, ой сѣренькій, намъ тѣсно, ты насъ задавилъ, кричали всѣ шестеро. Кому тѣсно, а мнѣ мѣсто, сказалъ волкъ, и развалился въ хоромахъ. Вотъ и стали всѣ они плакаться да на волка жаловаться; услыхалъ про то Мишка-медвѣдь, по прозванію Потапычъ. Топъ, топъ, топъ, кто тутъ реветъ, мнѣ покою не даетъ? Вотъ всѣ жильцы и заговорили въ голосъ, и стали медвѣдю на волка жаловаться, а волкъ только огрызается да зубами пощелкиваетъ. Слушалъ, слушалъ Михайла Потапычъ, да какъ хва-

титъ лапой по терему, такъ онъ и разлетѣлся! Всѣ жильцы повыскакали, а мышка-норышка спряталась въ горохѣ и стала раздумывать, какъ бы ей опять выстроить теремокъ, только ужъ волка не пускать!

X.

ТРУСЪ.

Проворная баба - хозяйка растворила хлѣбы, поставила квашню на печь, и ушла со двора; пришелъ въ сумеркахъ хозяинъ, да и слышитъ, что кто-то въ избѣ пыхтитъ, а это хлѣбы кисли. Батюшки, некакъ у насъ воры, думаетъ хозяинъ, и сталъ вздувать огонь, да въ потьмахъ наступилъ на самый крюкъ кочерги, а она какъ хватитъ его

кочержищемъ по лбу! Чуръ меня, чуръ меня! закричалъ мужикъ, и бросился бѣжать изъ избы; на бѣду у него развязался лапоть, онъ со страху прихлопнулъ за собой дверь, защемилъ въ ней обору, споткнулся, упалъ и лежитъ растянувшись въ сѣняхъ да кричитъ: ой батюшки, поймали меня разбойники, рѣжутъ!

Сбѣжался народъ, разобралъ дѣло, и ну его корить: трусъ ты эдакой! отъ своей квашни страху набрался, своя кочерга побила, свои оборы по ногамъ связали, самъ отъ своей двери караулъ закричалъ!

XI.

РАКЪ ПЕРЕХИТРИЛЪ ЛИСУ.

Сытая кумушка лиса вышла въ поле разгуляться, по травкѣ поваляться, за букашками шутки ради погоняться. Вотъ она гуляла, гуляла, въ перекувырышки играла, и вдругъ увидала на берегу въ тинѣ рака; вишь, думаетъ, увалень какой, все задомъ пятится, нѣтъ того, чтобы по нашему

побѣгать да порѣзвиться! И стала она рака задирать, да надъ нимъ потрунивать: ты красавчикъ скорлупчатый, глаза у тебя какъ бабурки, самъ съ вершокъ, усы въ локотокъ, а ногамъ и счету нѣтъ; чай куда скоро бѣгаешь! Давай-ка, пустимся въ перегонки, кто кого обгонитъ, побѣжимъ, вонъ хоть до того куста!

Давай, говоритъ ракъ, ты бѣги впередъ, а я за тобой!

Стали считать: разъ, два, три! Лиса побѣжала безъ оглядки, а ракъ уцѣпился за лисій хвостъ да съ нею и летитъ. Вотъ бѣжала, бѣжала лиса, а

добѣжавъ до куста позапыхалась и говоритъ: гдѣ-то теперь ракъ ползетъ? обернулась назадъ, посмотрѣть, далеко ли онъ отсталъ, а ракъ, какъ лиса обернувшись вильнула пушнякомъ, отпустилъ клешню и отлетѣлъ въ кустъ, да оттуда и кричитъ лисѣ: что же ты отстала? Я тебя тутъ ужъ давно поджидаю!

Лиса вытаращила глаза—когда жъ онъ это меня обогналъ?

XII.

БАБУШКИНЪ КОЗЛИКЪ.

Жилъ былъ у бабушки козликъ, да такой прыткой, что и удержу на него не было: выростетъ ли на деревнѣ молодое деревцо, все сверху до низу обдеретъ и огложетъ, и вѣтки поломаетъ, и листья поѣстъ. Побьютъ козла и приведутъ къ бабушкѣ, а бабушка: ахъ да охъ! пожуритъ козла, побранитъ козла, да запретъ

въ хлѣвушокъ. А козелъ и ухомъ не ведетъ! вышибетъ дверь рогами и пойдетъ гулять да куралесить по огородамъ, не столько пріѣстъ, сколько перетопчитъ. Изловятъ козла, побьютъ козла, приведутъ къ бабушкѣ, а бабушка: ахъ да охъ, пожуритъ козла, побранитъ козла, да запретъ въ хлѣвушокъ. Васька козелъ и ухомъ не ведетъ, вышибетъ дверь рогами и пойдетъ гулять да куролесить. Вотъ разбѣсился онъ, разбодался, народъ опять поймалъ его, побилъ, да и ведетъ къ бабушкѣ на расправу, а бабушка:

ахъ да охъ! пожурила козла, побранила козла, отдала его пастуху на руки, а сама козлу приговариваетъ: ужъ ты козликъ мой, ужъ сѣренькой, ты смирненько въ стадѣ пасись, по доламъ по горамъ не носись, въ лѣсъ не ходи, тамъ тебя волки съѣдятъ! Васька козелъ и ухомъ не ведетъ, все стадо перебодалъ и пошелъ скакать по доламъ по горамъ, насилу къ ночи домой вернулся. Пришелъ пастухъ на козла къ бабушкѣ съ жалобой, стала бабушка пастуха уклàнивать умаливать, стала пастуха задабривать; вынесла

ему криночку молока да кусокъ пирога. На утро погналъ пастухъ стадо, погналъ и козла, а бабушка козелку приговариваетъ: ужъ ты козликъ мой, ужъ ты сѣренькій, ты смирненько въ стадѣ пасись, по доламъ по горамъ не носись, въ лѣсъ не ходи, въ лѣсу волки съѣдятъ! А Васька и ухомъ не ведетъ! все стадо разогналъ и пошелъ гулять по горамъ по доламъ по дремучимъ лѣсамъ; увидали козлика сѣрые волки и съѣли козлика волки, покинули рожки да ножки, да голыя копытца.

XIII.

ДѢВОЧКА СНѢГУРОЧКА.

Жили были старикъ со старухой, у нихъ не было ни дѣтей ни внучатъ. Вотъ вышли они за ворота въ праздникъ, посмотрѣть на чужихъ ребятъ, какъ они изъ снѣгу комочки катаютъ, въ снѣжки играютъ. старикъ поднялъ комочекъ, да и говоритъ: а что, старуха, кабы у насъ съ тобой была дочка, да такая бѣленькая,

да такая кругленькая! Старуха на комочекъ посмотрѣла, головой покачала, да и говоритъ: чтожъ будешь дѣлать, нѣтъ, такъ и взять негдѣ!

Однако старикъ принесъ комочекъ снѣгу въ избу, положилъ въ горшечекъ, накрылъ ветошкой и поставилъ на окошко; взошло солнышко, пригрѣло горшечекъ и снѣгъ сталъ таять; вотъ и слышатъ старики, пищитъ что то въ горшечкѣ подъ ветошкой; они къ окну—глядь, а въ горшечкѣ лежитъ дѣвочка, бѣленькая, какъ снѣжокъ, и кругленькая, какъ комокъ, и говоритъ имъ:

я дѣвочка снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу скатана, вешнимъ солнышкомъ пригрѣта и нарумянена' Вотъ старики обрадовались, вынули ее, да ну старуха скорѣе шить да кроить, а старикъ, завернувъ снѣгурочку въ полотенечко, сталъ ее нянчить и пѣстовать:

Спи наша Снѣгурочка
Сдобная кокурочка,
Изъ вешняго снѣгу скатана,
Вешнимъ солнышкомъ пригрѣтая;
Мы тебя станемъ поить,
Мы тебя станемъ кормить,
Въ цвѣтно̀ платье рядить,
Уму разуму учить!

Вотъ и растетъ Снѣгурочка на радость старикамъ, да такая то умная, такая то разумная, что такія только въ сказкахъ живутъ, а взаправду небываютъ. Все шло у стариковъ какъ по маслу: и въ избѣ хорошо, и на дворѣ не плохо, скотинка зиму перезимовала, птицу выпустили на дворъ; вотъ какъ перевели птицу изъ избы въ хлѣвъ, тутъ и случилась бѣда: пришла къ стариковой жучкѣ лиса, прикинулась больной, ину жучку укланивать, умаливать, тоненькимъ голоскомъ упрашивать: Жученька, жучокъ, бѣленькія ножки, шелковый

хвостикъ, пусти меня въ хлѣвушокъ погрѣться! жучка, весь день за старикомъ въ лѣсу пробѣгавши, не знала, что старуха птицу въ хлѣвъ загнала, сжалилась надъ больной лисой и пустила ее туда; а лиска двухъ куръ задушила да домой утащила. Какъ узналъ про это старикъ, такъ жучку прибилъ и со двора согналъ: иди, говоритъ, куда хочешь а мнѣ ты въ сторожа негодишься! Вотъ и пошла Жучка плача со старикова двора, а пожалѣли о жучкѣ только старушка да дѣвочка Снѣгурочка.

Пришло лѣто, стали ягоды

поспѣвать; вотъ и зовутъ подружки Снѣгурочку въ лѣсъ по ягодки; старики и слышать не хотятъ, не пускаютъ; стали дѣвочки кланяться да зарекатся, что Снѣгурочку онѣ изъ рукъ не выпустятъ, да и Снѣгурочка сама просится ягодокъ побрать да на лѣсъ посмотрѣть. Отпустили ее старики, дали кузовокъ, да пирожка кусокъ. Вотъ и побѣжали дѣвчонки со Снѣгурочкой подъ ручки, а какъ въ лѣсъ пришли да увидали ягоды, такъ все про все позабыли, разбѣжались по сторонамъ, ягодки берутъ да аукаются,

въ лѣсу другъ дружкѣ голосъ подаютъ. Ягодъ понабрали, а Снѣгурочку въ лѣсу потеряли. Стала Снѣгурочка голосъ подавать, никто ей не откликается! заплакала бѣдняжка, пошла дорогу искать, хуже того заплуталась; вотъ и влѣзла на дерево и кричитъ: ау! ау!

Идетъ медвѣдь, хворостъ трещитъ, кусты гнутся; о чемъ дѣвица, о чемъ красная?

Ау! ау! Я дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу скатана, вешнимъ солнцемъ подрумянена, выпросили меня подружки у дѣдушки, у бабушки, въ лѣсъ завели и покинули!

Слѣзай, сказалъ медвѣдь, я тебя домой доведу!—Нѣтъ, медвѣдь, отвѣчала дѣвочка Снѣгурочка, я не пойду съ тобой, я боюсь тебя, ты съѣшь меня!

Медвѣдь ушелъ.

Бѣжитъ сѣрый волкъ: что дѣвица плачешь, что красная рыдаешь?

Ау! ау! Я дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу скатана, вешнимъ солнышкомъ подрумянена, выпросили меня подруги у дѣдушки у бабушки въ лѣсъ по ягоды, а въ лѣсъ завели, да и покинули!

Слѣзай, сказалъ волкъ, я доведу тебя до дому!

Нѣтъ, волкъ, я не пойду съ тобой, я боюсь тебя, ты съѣшь меня!

Волкъ ушелъ.

Идетъ лиса патрикѣевна: что дѣвица плачешь, что красная рыдаешь?

Ау! ау! Я дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣгу скатана, вешнимъ солнышкомъ прирумянена, выпросили меня подружки у дѣдушки у бабушки въ лѣсъ по ягодки, а въ лѣсъ завели да и покинули!

Ахъ красавица! ахъ умни-

ца! ахъ горемычная моя! слѣзай скорехонько, я тебя до дому доведу!

Нѣтъ, лиса, льстивы слова, я боюсь тебя, ты меня къ волку заведешь, ты медвѣдю отдашь, не пойду я съ тобой!

Стала лиса вокругъ дерева обхаживать, на дѣвочку Снѣгурочку поглядывать, съ дерева ее сманивать, а дѣвочка нейдетъ. «Гамъ, гамъ, гамъ», залаяла собака въ лѣсу, а дѣвочка Снѣгурочка закричала: ау, ау! жученька, ау, ау, милая! Я здѣсь, дѣвочка Снѣгурочка, изъ вешняго снѣга скатана, вешнимъ солнышкомъ

прирумянена, выпросили меня подруженьки у дѣдушки у бабушки въ лѣсъ по ягодки, въ лѣсъ завели, да и покинули; хотѣлъ меня медвѣдь унести, я не пошла съ нимъ; хотѣлъ волкъ увести, я отказала ему; хотѣла лиса сманить, я въ обманъ не далась; а съ тобой, жучка, пойду!

Вотъ, какъ услыхала лиса собачій лай, такъ махнула пушнякомъ своимъ и была такова! Снѣгурочка съ дерева слѣзла, жучка подбѣжала, ее лобызала, все личеко облизала, и повела домой. Стоитъ медвѣдь за пнемъ, волкъ на прогалинѣ,

лиса по кустамъ шныряетъ, жучка лаетъ, заливается, всѣ ее боятся, никто не приступается. Пришли они домой; старики съ радости заплакали, Снѣгурочку напоили, накормили, спать уложили, одѣяльцемъ накрыли:

Спи, наша Снѣгурочка,
Сдобная кокурочка,
Изъ вешняго снѣгу скатана,
Вешнимъ солнышкомъ пригрѣтая;
Мы тебя станемъ поить,
Мы тебя станемъ кормить,
Въ цвѣтно платьеце рядить,
Уму разуму учить.

Жучку простили, молокомъ напоили; приняли въ милость, на старое мѣсто приставили, стеречь дворъ заставили.

XIV.

ТОВАРИЩИ.

Ѣхалъ торгашъ изъ большаго села, скупилъ у крестьянъ всякаго сырья: кожу, щетину, копыта, пузыри. Ѣдетъ онъ, самъ пѣсенки попѣваетъ, и не видитъ того, что большой свиной пузырь съ возу скатился, на дорогу свалился и покатило его вѣтромъ подъ гору, а на дорогѣ той лежалъ опме-

токъ, старый лапоть. Вотъ увидалъ ошметокъ, что пузырь по дорогѣ катится, и захотѣлось ему за нимъ идти, и пошелъ онъ пузырь нагонять. Пузырь катится, лапоть за нимъ лягушкой прыгаетъ и нагнавъ его, сговорился съ нимъ пострaнствовать: все вмѣстѣ, все по поламъ, и радость и горе! Такъ дошли они, пузырь пòкатомъ, лапоть прыжками, до ручья.

Какъ быть, говоритъ пузырь, надо переправляться. Вотъ лапоть и говоритъ пузырю: пузырь, соскочи въ воду, а я

на тебя стану, ты и перевезешь меня на ту сторону!

Нѣтъ, спасибо, говоритъ пузырь, ты меня продавишь, да утопишь—промышляй ты самъ о себѣ, а я самъ о себѣ!

А какъ же у насъ былъ уговоръ, все вмѣстѣ да пополамъ?

Мало ли что, отвѣчалъ пузырь, своя кожа дороже: у меня тѣльце нѣжное, насквозь свѣтится, ни одного ребрышка подъ мышкой нѣтъ, а вѣдь у тебя мужика ступня тяжела!

Какъ быть лаптю? Вотъ видитъ онъ, по ручью плыветъ тростникъ: тростникъ трост-

ничекъ, говоритъ лапоть, перевези ты меня перепутьемъ на ту сторону!

Я грести не могу и перевозить не умѣю, сказалъ тростникъ. А лапоть ему къ вѣтъ: тростникъ тростничекъ, ты гибокъ, дòлогъ, перекинься съ берегу до берега, стань мостомъ, а я перейду пѣшкомъ!

Тростинка послушалась, легла поперекъ ручья; а лапоть, такъ ступилъ всей мужичьей постутью, такъ тростиночку и надломилъ, а самъ свалился въ воду!

А пузырь, на томъ берегу лежа, какъ расхохочется надъ

товарищемъ, хохоталъ, хохоталъ, покатился, надорвался, да и лопнулъ!

XV.

ИВАНУШКА ДУРАЧЕКЪ.

Жили были три брата, два умныхъ, а третій дуракъ: старшіе братья, хоть и любили дурака, а все таки журили, а ину пору, какъ досада возметъ, такъ бывало и поколотятъ его.

Разъ пошли братья въ поле работать; вотъ старшая невѣстка говоритъ дураку: Ива

нушка, я напекла блиновъ, снеси-ка ихъ братьямъ, чай имъ давно ѣсть хочется. Ладно, сказалъ дуракъ. Невѣстка наложила блиновъ полонъ горшокъ, отдала дураку, а дуракъ идетъ да въ сторону на свою тѣнь поглядываетъ; что, думаетъ, привязался ко мнѣ человѣкъ, знать ѣсть хочетъ; вынулъ дуракъ блинъ и бросилъ своей тѣни, а самъ пошелъ далѣе; идетъ, а тѣнь съ боку бредетъ. Ну, думаетъ дуракъ, видно голоденъ! взялъ заразъ три блина и бросилъ тѣни, а тѣнь только и стояла пока Иванушка блины доставалъ;

Иванушка пошелъ, и она пошла. Поглядѣлъ дуракъ поглядѣлъ, да и сталъ безъ счету тѣни своей блины бросать; всѣ разбросалъ, а тѣнь не отстаетъ. Вишь, ненасытная утроба, все переѣлъ, а не отстаетъ; тутъ дуракъ съ сердцовъ швырнулъ въ тѣнь свою всѣмъ горшкомъ, а самъ побѣжалъ; горшокъ разлетѣлся, дуракъ бѣжитъ, а за нимъ и тѣнь бѣжитъ. Вотъ и прибѣжалъ къ братьямъ въ поле; какъ дурака братья завидѣли, такъ работу покинули и стали собираться обѣдать, а дуракъ сталъ имъ сказывать, вотъ такъ и такъ: дала невѣст-

ка отнести къ вамъ горшокъ блиновъ, а привязался ко мнѣ дорóгой человѣкъ, да такой прожерливый, что всѣ блины пріѣлъ; осерчавъ, я въ него горшкомъ и стукнулъ!

Гдѣ же онъ теперь? спросили братья. Дуракъ обернулся, вонъ, вонъ! закричалъ онъ, указывая на свою тѣнь, и теперь не отстаетъ! Тутъ догадались умные братья, принялись дурака бранить, принялись его корить, да съ голодухи маленько и побили.

Собрался разъ старшій братъ на базаръ и велѣлъ дураку съ собой ѣхать, пускай, говоритъ,

хоть лошадь подержитъ. Поѣхали, все закупили: и ложки и плошки, и столъ и соль, и чашки и всякую всячину; вотъ и ѣдутъ домой, ужъ и близенько, и церковь видна, да нагналъ ихъ кумъ, и зоветъ старшаго брата въ свою телегу, слово перемолвить, о дѣлѣ покалякать.

Старшій братъ сдалъ меньшому возжи, да и велѣлъ за собою ѣхать. Вотъ ѣдетъ дуракъ, шапка на затылкѣ, по сторонамъ поглядываетъ, рукавами потряхиваетъ, и слышитъ, что въ столѣ ложки побрякиваютъ: брякъ да брякъ,

а Иванушкѣ думается, что ложки приговариваютъ: дуракъ дуракъ! Вотъ онъ осерчалъ и расшвырялъ ихъ по́ полю. Откуда ни взялось воронье, кричитъ: каръ, каръ, каръ! Видно ѣсть хотятъ, подумалъ дуракъ, схватилъ мѣшокъ съ крупой, да и бросилъ его съ телеги воронамъ: кушайте, тетеньки, на здоровье! Въѣхалъ дуракъ въ лѣсокъ, а въ лѣсу стоятъ обгорѣлые пни; эхъ, дяденьки, чай студено вамъ безъ шапокъ стоять, сказалъ дуракъ, и надѣлъ на нихъ по горшку, по корчагѣ. Обрядивши пни, сѣлъ на возъ и ну безътол-

ку хлестать лошадь; лошадь зартачалась; Сивка, пить, что-ль, захотѣла? спросилъ дуракъ, сивка махнула хвостомъ. Ну пить такъ пить, сказалъ Иванушка, и подъѣхавъ къ рѣкѣ сталъ Сивку уговаривать испить водицы; Сивка пить не хотѣла, стоитъ надъ водой да ушами прядетъ. Задумался дуракъ, отчего лошадь не пьетъ, да и вздумалъ: — знать не солоно! Хвать всю соль, да и бухъ въ воду, только пузыри пошли! А лошадь всё воды не пьетъ. Ну, ну, ну! теперь то я знаю отчего она не пьетъ! низко, не достанетъ, знать у

нея ноги высоки; постой, Сивка, я те маленько ноги поокорочу! Вотъ Иванушка выпрягъ Сивку, взялъ топоръ подошелъ къ ней, чтобы ноги окоротить, а та умнѣе его была, да какъ лягнетъ его, да бросится по дорогѣ домой, только онъ ее и видѣлъ. Присѣлъ малый, въ силу отдохнулъ отъ Сивкинаго угощенья, а посидѣвши, взялъ оглобли, впрягся въ телегу и потащилъ ее домой. Что это, думаетъ, супротивъ прежняго, какъ лошадь везла, тяжело стало ѣхать? да вспомнилъ, что въ телегѣ столъ стоитъ; выхватилъ дуракъ столъ и говоритъ:

у тебя, братъ, четыре ноги, а у меня двѣ, ты скорѣе меня домой прибѣжишь! А столъ, какъ сталъ на ноги, такъ и ни съ мѣста! зло взяло бѣднаго дурака, схватилъ онъ кнутъ и ну хлестать столъ; билъ, билъ, изъ силъ выбился а столъ все ни съ мѣста! Ладно, говоритъ дуракъ, захочешь ѣсть, такъ небось и самъ прибѣжишь!

Скрыпитъ телега по селу, претъ ее Иванушка въ гору, а потъ съ него такъ и льетъ! Выглянулъ братъ въ окно, пріѣхавъ уже напередъ съ кумомъ домой, батюшка, да это нашъ дуракъ пріѣхалъ!

Дуракъ, гдѣ лошадь?

Въ лѣсъ по ягоды пошла.

Гдѣ покупки, гдѣ крупа? гдѣ ложки, горшки да плошки?

Ложки всю дорогу ругались: дуракъ да дуракъ, я ихъ разшвырялъ по полю, а крупу тетенькамъ отдалъ, горшки съ корчагами въ лѣсу на дяденекъ повздѣлъ, а столъ, захочетъ ѣсть, такъ и самъ прибѣжитъ, вѣдь на четырехъ ногахъ, не ужинавши спать не ляжетъ!

Тутъ братья съ женами бросились на дорогу, отыскивать покупки; лошадь сама на дворъ прибѣжала, столъ нашли и горшки со пней посымали, крупу

вороны на половину расклевали, а ложки одну по одной собирали. Съ тѣхъ поръ зареклись братья Иванушку дурака съ покупками посылать.

КОШЕЧКА.

Сидитъ кошечка
На окошечкѣ,
Пришелъ котъ,
Сталъ кошку спрашивать,
Сталъ выспрашивать:
О чемъ киска плачетъ,
О чемъ слезу ронитъ?
А какъ же мнѣ не плакать,
Какъ слезы не ронить:
Поваръ съѣлъ печеночку,
Да сказалъ на кисочку;
Хотятъ киску бить,
Ушки теребить!

СКОМОРОШЬЯ ПѢСНЯ.

Медвѣдь на работѣ каменья
воротитъ,
Ракъ на колодѣ рубашки
колотитъ,
Волки въ болотѣ просо моло-
тятъ,
Котъ на печи сухари тол-
четъ,
Кошка въ окошкѣ ширинку
шьетъ;
Петька пѣтухъ по лавкамъ
пошелъ,

Самъ каблучками побряки-
ваетъ,
Изъ стѣнки таракановъ по-
таскиваетъ;
Курочка — рябушечка избу
мететъ,
Паукъ въ углу основу снуетъ,
Утка въ юбкѣ холсты точетъ,
Селезень пирожникъ пироги
печетъ,
Корова въ рогожѣ всего до-
роже,
Въ закутѣ стоитъ, сыромъ
масломъ доитъ!

СТРЯПУХА.

Притворила баба хлѣбы
На вчерашней на водѣ,
А вчерашняя вода
Не покрытая была;
Не удачная квашня,
По уторамъ-то вода.
А серёдъ квашни мука;
По подлавочью валяла,
По запечью некла,
Кочергой загребла;
Жарко хлѣбы посадила,
Баба хлѣбы поприжгла,

Наложила въ коробокъ,
Повезла во торжокъ;
Никто хлѣбушковъ не купитъ,
Никто даромъ не беретъ:
Подошла одна свинья,
Она ѣсть-то не ѣла,
Только рыломъ разваляла,
Только рыло обмарала,
Три недѣли прохворала!

ПЕРНАТКИ.

Солеталися птица съ птицей
Табункомъ вереницей,
Пѣли они воспѣвали
Птицамъ славу воздавали:
Кто у нихъ за моремъ боль-
шій,
Кто у нихъ за моремъ мен-
шій?
Всѣмъ голова царь сизой-
орелъ,
Всѣмъ царица мать-орлица,
Соколъ богатырь,

На все царство налетъ,
Съ размаху бьетъ;
Бѣлы лебеди бояре,
А лебедушки боярыни,
Гуси поморяне,
Природные дворяне;
Утка судомойка,
Утята босоноги
Обили всѣ пороги,
Киголка щеголекъ
Надымаетъ хохолокъ,
Сова воеводша:
Ой-ли мохнатыя ножки,
Ой-ли сафьянны сапожки,
Съ ножки на ножку ступаетъ,
Выше лба брови подымаетъ!
А сорока воровка,

Скачетъ и пляшетъ,
Вѣсти разноситъ,
Что найдетъ не броситъ;
Куликъ разсыльный,
Клестъ портной,
Курица сапожникъ,
Что ступитъ то клюнетъ;
Дятелъ плотникъ,
Дерево долбитъ;
Журавль землемѣръ,
Кафтанъ на немъ сѣръ:
Тото-ли долгія ноги
А и тото-ли короткое платье!
Ворона торговка,
По дворамъ бродитъ,
Снопы разбиваетъ;
Кукушка кликушка,
Калачница цапля,

Грачъ трубачъ,
Галицы старицы,
Ласточки молодицы,
Косатки дѣвицы,
Кречетка понамарь,
Коровайка звонарь;
Жаворонокъ вещевременикъ,
Въ поднебесье взвивается,
Радостью заливается;
Синичка хвастунья,
Похвальбой промышляетъ,
Малыхъ дѣтокъ потѣшаетъ;
А варакушкѣ все праздникъ,
Всѣхъ пернатокъ дразнитъ!

УТОЧКА.

Уточка да луговая,
Сѣрая да полевая,
Гдѣ ты ноченьку ночевала?
Подъ мостомъ мосточкомъ,
Подъ ивовымъ кусточкомъ;
Ужъ я утя хожу,
Малыхъ дѣтокъ вожу,
А я утя поплыву,
Малыхъ дѣтокъ поведу!
Шла уточка по бережку,
Сизокрылая по крутому,

Вела малыхъ дѣтокъ за
собою;
Старшаго большаго,
Середняго меншаго;
Ай ути, ай ути!
Да куда же мнѣ уйти?
Кабы лѣсъ, кабы лѣсъ,
Перевѣсилася;
Кабы кусъ пирога,
Подавилась молода;
Кабы полая вода,
Утопилась молода!

КОЗЛИКЪ.

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по сельничку,
По частому березничку,
Что по горькому осинничку;
Какъ встрѣчу козлу бѣжит
заенька,
Бѣжитъ сѣренькій,
Еще бѣленькій:
Ахъ ты, звѣрь, ты, звѣрина,
Ты скажи-ка свое имя,
Ты не смерть-ли моя,

Ты не съѣшь-ли меня?
Ужъ я не смерть-то твоя,
Ужъ я не съѣмъ-то тебя:
Ужъ я заенька,
Ужъ я сѣренькій
Еще бѣленькій!
Ужъ я по лѣсу хожу
Себѣ пищу ищу.

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
По частому березничку;
Какъ встрѣчу козлу бѣжитъ
лисанька,
Бѣжитъ рыженька.
Ахъ, ты, звѣрь, ты, звѣрина,
Ты скажи-ка свое имя,

Ты не смерть-ли моя,
Ты не съѣшь-ли меня?
Ужъ я не смерть-то твоя,
Ужъ я не съѣмъ-то тебя,
Ужъ я лисанька,
Ужъ я рыженька,
Ужъ я по лѣсу хожу,
Все орѣшки ищу!

Какъ пошелъ нашъ козелъ
Да по ельничку,
По частому березничку,
Что по горькому осинничку;
Какъ встрѣчу козлу сѣрый волченька:
Ахъ, ты, звѣрь, ты. звѣрина,
Ты скажи-ка свое имя,

Ты не смерть-ли моя,
Ты не съѣшь-ли меня?
Ужъ я смерть-то твоя,
Ужъ я съѣмъ-то тебя!

СЛАВА.

Ужъ какъ слава тебѣ, Боже, на небеси, слава!
За святую волю тебѣ, Боже, слава!
Ужъ какъ нашему Царю на землѣ слава!
Чтобы правда была на Руси, слава!
Краше солнца свѣтила, слава!
Его вѣрнымъ слугамъ неизмѣниваться, слава!

Его вѣрной рàти не истàриваться, слава!
Его ратнымъ конямъ не изъѣзживаться, слава!
Чтобы Царева золотà-казна, слава!
Была вѣкъ полнымъ полна, слава!
Что большимъ рѣкамъ сверху дó моря, слава!
А мелкимъ рѣчкамъ на помолъ идти, слава!
А мы пѣсню свою Государю поемъ, слава!
Государю поемъ, ему честь воздаемъ, слава!

ДѢТСКІЯ ИГРЫ.

Почти каждая игра начинается конаньемъ или жеребьемъ, по жеребью выбираютъ матку, вожака или водыря, который заводитъ игру. Жеребій мечутъ словами какой нибудь извѣстной поговорки; дѣти становятся въ кружокъ и одинъ, который знаетъ жеребьевую поговорку, начинаетъ, указывая напередъ на самого себя, говорить: „*яблочко*,“ потомъ,

указывая пальцемъ на другаго, говоритъ: „*катилось*,“ на третьяго: „*вокругъ*,“ на четвертаго: „*огорода*,“ на пятаго: „*кто*,“ на шестаго: „*его подялъ*“ и такъ по очереди перебираетъ всѣ слова: „*воевода, воеводскій сынъ; слышилъ; вышелъ, вонъ пошелъ!* На кого падутъ слова „вонъ пошелъ,“ тотъ выходитъ изъ круга. Для иной игры трижды бросаютъ жеребій, напримѣръ въ игрѣ Гуси-лебеди, нужно три человѣка: водырь и два волка. Въ игрѣ, какъ и во всякомъ дѣлѣ, нужна правда, то-есть, надо играть безъ плу-

товства, по принятымъ правиламъ. Въ старину водырь начиналъ игру уговоромъ: „*Чуръ, играть не плутовать*,“ за плутовство выгоняли изъ игры.

Жеребьевыхъ поговорокъ много, вотъ для примѣра: Яблочко катилось вкругъ огорода, кто его поднялъ, тотъ воеводичъ, воеводскій сынъ; слышалъ, вышелъ, вонъ пошелъ!

Птичка перепеличка пить захотѣла, поднялась, полетѣла, пала, пропала, подъ ледъ попала!

Мѣсяцъ, мѣсяцъ, гдѣ ты былъ? Въ лѣсу былъ. Что ты дѣлалъ? Лыко дралъ. Куда

клалъ? Подъ колоду. Кто видалъ? Родіонъ. Поди вонъ!

Кулю, кулю, баба, не выколи глаза, поди въ кутъ, тебѣ денежку дадутъ, либо мочки клокъ, либо гребнемъ въ лобъ!

Плыла пѣна изъ за моря, стали пѣну бити, стали спрашивати: кто у васъ большій, кто у васъ меншій, чашка, ложка, медокъ, сахарокъ!

Гори, дрова, жарко, пріѣдетъ захарка, на писаныхъ санкахъ, самъ на кобылѣ, жена на коровѣ, дѣтки на телятках, на пѣгихъ собачкахъ!

Свинка ходитъ по-бору, щиплетъ лебеду траву, она рветъ,

не береть, подъ березку кладетъ.

Разъ, два, да упала гора; три, четыре, прищѣпили; пять, шесть, бьютъ шерсть; семь, восемь, сѣно косимъ; девять, десять, денги вѣсятъ, одинадцать, двенадцать, нѣкуда дѣваться.

Сказска, присказска, прикована невѣстка, къ стульцу, къ ножкѣ, къ липовой лутошкѣ, къ собачьей норкѣ.

Пляши, Ваня, не виляй, ко ужину добывай, не добудешь, битый будешь, а добудешь, сытый будешь.

I.

ТЕРЕМОКЪ МЫШКИ.

Дѣти выбираютъ изъ себя мышку, мышка строитъ изъ стульевъ теремокъ и садится въ немъ. Одинъ изъ дѣтей ползетъ ящерицей и говоритъ, постукивая: „Кто въ терему, кто въ высокомъ?“ Мышка отвѣчаетъ: „Я, мышка норышка, а ты кто?“ „Я ящерка шорошерочка.“ „Иди ко мнѣ жить!“

„Хорошо, отвѣчаетъ ящерица и садится около мышки.

Потомъ прыгаетъ лягушка, стучится и спрашиваетъ: „Кто въ терему, кто въ высокомъ?“ „Я, мышка норышка, да ящерка шерошорочка, а ты кто?“ „А я лягушка квакушка.“ „Ну иди къ намъ жить!“ „хорошо.“ Потомъ приходитъ бѣлочка попрыгушечка, потомъ зайка увертышекъ, потомъ сестричка лисичка, мышка всѣхъ принимаетъ и имъ хорошо жить; когда-же влѣзаетъ къ нимъ сѣрый волкъ изза куста-хватышь, то звѣрки начинаютъ всякій посвоему кричать караулъ. На

крикъ ихъ идетъ Мишка-медвѣдь; разузнавъ въ чемъ дѣло, ломаетъ теремокъ и звѣрки съ крикомъ разбѣгаются.

II.

ИГРА ВЪ КУЗОВОКЪ.

Дѣти садятся играть; одинъ изъ нихъ ставитъ на столъ корзинку и говоритъ сосѣду: „вотъ тебѣ кузовокъ, клади въ него, что есть на *окъ*, обмолвишься, отдашь залогъ.“ Дѣти по очередному порядку говорятъ слова въ риѳму на *окъ*: „Я положу въ кузовокъ клубокъ,“ „а я платокъ, я мотокъ, или

замокъ, сучокъ, коробокъ, батожокъ, сапожокъ, башмачокъ, чулокъ, клочекъ, утюжокъ, воротничокъ, поплавокъ, сахарокъ, судачокъ, мѣшокъ, курокъ, листокъ, лепестокъ, колобокъ, ломотокъ, лапотокъ“ и пр.

По окончаніи разыгрываются залоги: покрываютъ корзинку и одинъ изъ дѣтей спрашиваетъ: „чей залогъ вынется, что тому дѣлать? Дѣти по очереди назначаютъ каждому залогу выкупъ, напр. пропрыгать по комнатѣ на одной ножкѣ, или въ четырехъ углахъ дѣло подѣлать; въ одномъ постоять,

въ другомъ поплясать, въ третьемъ поплакать, въ четвертомъ посмѣяться; или басенку сказать, загадку загадать или сказочку расказать или пѣсенку спѣть, пословицу сказать или скоро наскоро чистоговорку проговорить, напрм. „Наша рѣка широка, какъ Ока! Какъ, какъ Ока? Такъ, какъ Ока! Такъ, какъ Ока широка наша рѣка.“ Въ концѣ игоръ будетъ приложено нѣсколько чистоговорокъ или скороговорокъ, пословицъ и загадокъ.

III.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

По жеребью или съ согласія дѣти выбираютъ волка; волкъ, сгорбясь, садится на скамѣечку по середи комнаты и дѣти разсыпаются по комнатѣ, щиплютъ траву и приговариваютъ:

Щиплю, щиплю ягодку,
Черную смородинку;
Батюшкѣ въ ставчикъ,
Матушкѣ въ рукавчикъ,

Сѣрому волку
Травы на лопату.
Какъ-бы отъ волка убрать-
ся,
Какъ-бы отъ сѣраго раз-
бѣжаться!

Сказавъ это, дѣти бросаютъ въ волка травой; волкъ, разсердясь, гоняется за ними и кого поймаетъ, того ведетъ на свое мѣсто; пойманый дѣлается волкомъ, а прежній волкъ ребенкомъ и вмѣстѣ съ другими начинаетъ игру, собираетъ ягоды для отца съ матерью, а на долю сѣраго волка рветъ траву.

IV.

ГУСИ, ЛЕБЕДИ.

Выбравъ по конанью двухъ или однаго волка, смотря по числу дѣтей, выбираютъ *водыря*, того, который заводитъ, т. е. начинаетъ игру; всѣ остальные представляютъ гусей. Водырь становится на одномъ концѣ комнаты, гуси на другомъ, а волки у третьей стѣны прячутся за стулья, какъ за

гору. Водырь похаживаетъ и поглядываетъ и какъ замѣтитъ волковъ, то бѣжитъ на свое мѣсто, хлопаетъ руками, крича:

Водырь: Гуси, лебеди, домой!

Гуси: По что?

Водырь: Бѣгите, летите домой,
Стоятъ волки за горой!

Гуси: А чего волкамъ надо?

Водырь: Сѣрыхъ гусей щипать,
Да косточки глодать.

Гуси бѣгутъ гогоча: га, га, га, га! Волки выскакиваютъ изъ за горы и бросаются на гусей; которыхъ поймаютъ,

тѣхъ отводятъ за̀ гору, а сами дѣлаются гусями, и игра начинается снова.

Всего лучше въ волки играть наволѣ, въ саду.

V.

МЫШКИ.

Всѣ дѣти садятся по уголкамъ на стулья, это ихъ норки. Водырь подходитъ къ каждой и говоритъ: „Мышка, мышка, продай свою норку“! Если мышка согласна, то говоритъ: „Хорошо, отойди и встань ко всѣмъ передомъ, а ко мнѣ задомъ“. Водырь становится такъ, чтобы ему нѣ было видно, ког-

да приготовится мышка бѣжать, а мышка тѣмъ временемъ, переглянувшись съ подругой, встаетъ и обѣ бѣгутъ, чтобы помѣняться мѣстами; водырь старается захватить порожнее мѣсто и если ему удастся, то прозѣвавшая мышка дѣлается водыремъ.

VI.

КОРШУНЪ.

Дѣти выбираютъ коршуна и матку насѣдку; остальные всѣ представляютъ цыплятъ; первый цыпленокъ держится сзади за насѣдку, второй за перваго, третій за втораго и такъ устраивается цѣлая вереница за насѣдкой. Насѣдка бережетъ своихъ цыплятъ и, раскинувъ руки, какъ крылья,

стережетъ ихъ. Коршунъ садится на-полъ, и посматривая на цыплятъ, роетъ въ землѣ ямку; насѣдка заботливо похаживаетъ и заводитъ съ коршуномъ речь:

„Коршунъ, коршунъ, что ты дѣлаешь?“

Коршунъ. Ямку рою.

Насѣдка. На что тебѣ ямка?

Коршунъ. Денежку ищу.

Насѣдка. На что тебѣ денежка?

Коршунъ. Иголочку купить.

Насѣдка. На что тебѣ иголка?

Коршунъ. Мѣшечекъ сшить.

Наседка. На что тебѣ мѣшечекъ?

Коршунъ. Камешки класть.

Наседка. На что тебѣ камешки?

Коршунъ. Въ твоихъ дѣтокъ швырять-лукать.

Наседка. За что въ моихъ дѣтокъ швырять-лукать?

Коршунъ. За то, что твои дѣти мою городьбу разломали.

Наседка. А какъ высока была твоя городьба?

Коршунъ. А вотъ какая, говоритъ коршунъ, высоко подкидывая мячикъ.

Наседка. О нѣтъ, мои дѣтки такъ высоко не достанутъ,

мою городьбу козелъ бородой достаетъ, а они и той не сягаютъ.

Коршунъ. Твои дѣтки плуты, буяны, я ихъ всѣхъ изведу!

Насѣдка. Не дамъ тебѣ, злой коршунъ, моихъ птенцовъ: шишъ, шишъ, кричитъ насѣдка, машá крыльями и защищая птенцевъ своихъ. Коршунъ бросается на крайнихъ и сколько сможетъ, отхватываетъ и отводитъ цыплятъ къ сторонкѣ; пойманые-жъ цыплята честно дожидаются конца игры и не перебѣгаютъ. Игра оканчивается тѣмъ, что всѣ цыплята по-

падаютъ къ коршуну, и если игра начинается съизнова, то коршунъ дѣлается насѣдкой, а старая насѣдка обращается въ коршуна либо конаются снова.

VII.

ПОЛЕТУШИ.

Всѣ дѣти садятся вокругъ стола и кладутъ по пальцу на столъ. Водырь начинаетъ игру, называетъ какую нибудь птицу либо летучее насѣкомое, а назвавъ его, подымаетъ палецъ вверхъ и быстро опускаетъ его на столъ; дѣти должны дѣлать тоже, если же кто прозѣваетъ летѣть, то-есть

поднять или опустить палецъ, или полетитъ тогда, когда водырь обманываетъ, называя нелетучую тварь, или вещь, то даетъ залогъ. Вотъ примѣръ: Водырь, подымая палецъ, говоритъ: „Сова летитъ, сама летитъ!“ дѣти подымаютъ и опускаютъ пальцы. „Пѣтушокъ летитъ, кочетокъ летитъ!“ пальцы подымаются и опускаются. „Козелокъ летитъ!“ говоритъ водырь, подымая и опуская палецъ; кто изъ дѣтей полетѣлъ съ козелкомъ, тотъ даетъ залогъ. Залоги послѣ разыгрываются.

VIII.

КОШКА И МЫШКА.

Дѣти конаются, либо выбираютъ кошку и мышку, а сами, сцѣпясь руками, становятся въ кружо́къ; въ кружкѣ бѣгаетъ мышка, за кружкомъ кошка порывается поймать мышку; она вбѣгаетъ, а мышка выбѣгаетъ вонъ; дѣти поноравливаютъ мышкѣ, задерживая кошку; когда-же кошка поймаетъ мышку

то дѣлается мышкой, а мышка кошкой, или начинаютъ игру снова конаясь.

IX.

ВЕРЕВОЧКА.

Связываютъ веревочку кольцомъ, потомъ всѣ берутся за нее руками; въ средину круга входитъ пара жеребьевыхъ, одинъ подходитъ къ играющимъ и начинаетъ разговаривать, другой жеребьевой подмѣчаетъ, нѣтъ-ли оплошнаго, который заслушался, и какъ увидитъ такого, то хлопаетъ его по

рукѣ; оплошный становится на мѣсто круговаго, а раскащикъ, пользуясь суматохой, хлопаетъ другаго оплошнаго и его вводитъ въ кругъ, а самъ становится на его мѣсто. Вся штука въ томъ, что каждый, при опасности, бросаетъ веревочку, но долженъ тотчасъ опять за нее ухватиться.

X.

КОЛЬЦО.

Надѣваютъ колечко на веревочку, берутся за нее и скоро нàскоро перепускаютъ колечко изъ рукъ въ руки; если чередной у кого его замѣтитъ, то ловитъ кольцо. Оплошный становится на мѣсто жеребьеваго, а тотъ идетъ на его мѣсто въ кружокъ.

XI.

БАБУШКА И КОТИКЪ.

По жеребью выбирають бабушку и котика; бабушку повязывають по старушечьему платкомъ, а котику навязывають ошейникъ съ бантикомъ, строять бабушкѣ печь и садять ее на печь съ котикомъ. Бабушка и котикъ сидять и караулять отъ мышатокъ криночку съ молокомъ; а всѣ дѣти мы-

шата. Котъ отпрашивается у бабушки въ гости, а мышатки бѣгаютъ и другъ съ дружкой совѣтуются, какъ бы молочка поѣсть; вотъ и приходятъ къ бабушкѣ и заговариваютъ съ нею:

Мышатки. Бабушка, бабушка,
Гдѣ твой котокъ,
Сѣрый лобокъ,
Бархатныя лапки,
Пушно̀й хвостикъ?

Бабушка. Мой котокъ, сѣрый лобокъ,
Пошелъ въ гости
Глодать кости.

Мышки. Бабушка, мы истопили баньку,
Не хочешь-ли помыться,
На волѣ попариться?

Бабушка. А какая у васъ банька?

Мышки. Наша банька золотая,
Каменка изразчатая,
Топили по семи дёнъ,
Пару на семь деревень!

Бабушка. А какой у васъ вѣникъ?

Мышки. Вѣникъ шелкòвый, шелку шемаханскаго, отбитъ у Татарина въ ордѣ, найденъ у боярина во дворѣ, съ бояр-

скаго двора принесъ его земскій!

Бабушка. Ну ладно, схожу!

Бабушка уходитъ, мышки тащатъ криночку, выпиваютъ молоко, а кринку роняютъ на̀ полъ. Приходитъ котъ и ну мяукать, бабушку искать; на зовъ кота прибѣгаетъ бабушка, видитъ разбитую кринку и бросается съ котомъ ловить мышатокъ; мышки бѣгаютъ, за ними бѣгаютъ котъ да бабушка,а какъ поймаютъ пару, такъ бабушка сымаетъ съ себя платокъ и повязываетъ имъ свою мышку; та дѣлается бабушкой, садится на печку, ставитъ пе-

редъ собою криночку и сторожитъ ее отъ мышей, а котикъ сымаетъ свой ошейникъ, передаетъ его своей мышкѣ и самъ дѣлается мышкой, а его мышка надѣваетъ ошейникъ и идетъ къ бабушкѣ на печь, въ коты. Игра начинается снова.

XII.

УТОЧКА.

Утенька, да луговая!
Сѣрая, да полевая!
Гдѣ ты ночку ночевала?
Подъ мостомъ мосточкомъ
Подъ ивовымъ кусточкомъ.
Ужъ я, утя, хожу,
Малыхъ дѣтокъ вожу,
А я, утя, поплыву,
Малыхъ дѣтокъ поведу!
Шла уточка по бережку,

Сизокрылая по крутому,
Вела малыхъ дѣтокъ за собою:
Старшаго, большаго,
Средняго, меншаго.
Ай ути, ай ути,
Да куда-же мнѣ уйти?
Кабы лѣсъ, кабы лѣсъ,
Перевѣсилась!
Кабы кусъ пирога,
Подавилась молода!
Кабы полая вода,
Утопилась молода!

Это игра хороводная. Выбираютъ двоихъ для воротъ, а третью мать—уточку, за которую, какъ за насѣдку въ игрѣ *коршунъ*, держатся утята;

уточка идетъ, приплясывая и припѣвая, за нею прыгаютъ, подплясываютъ и припѣваютъ утятки, а передъ уточкой двое изъ игроковъ, сцѣпясь руками, подымаютъ ихъ въ видѣ воротъ; они идутъ задомъ, лицомъ къ уточкѣ, также приплясываютъ и поютъ:

„Утенька, да луговая,
Сѣрая, да полевая,
Гдѣ ты ночку ночевала?“

На это уточка отвѣчаетъ:

„Подъ мостомъ мосточкомъ;
Подъ ивовымъ кусточкомъ,
Ужъ я, утя, хожу,
Малыхъ дѣтокъ вожу,
Я, утя, поплыву,

Малыхъ дѣтокъ поведу!“

Послѣ этого отвѣта, всѣ, и утка съ утятами и ворота, поютъ:

„Шла уточка по бережку,
Сизокрылая по крутому,
Вела малыхъ дѣтокъ за собою,
Старшаго большаго,
Середняго, меншаго!“

Тогда запѣваютъ ворота:

„Ай уйди, ай уйди!“

Уточка, со своею вереницей, начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону, но куда ни кинется, вездѣ стоятъ ворота и нѣтъ ей другаго хода, какъ черезъ нихъ. Ворота поютъ:

„Ай, иди, ай, иди!“ тогда она отвѣчаетъ, приплясывая:

„Да куда же мнѣ уйти?
Кабы лѣсъ, кабы лѣсъ,
Перевѣсилась бы;
Кабы кусъ пирога,
Подавилась молода;
Кабы полая вода,
Утопилась молода!“

За тѣмъ, хлопнувъ руками, вскрикиваетъ: „Ай, дѣтушки, берегитеся!“ и сама ныряетъ въ ворота; утята торопятся за нею, а ворота стараются отхватить утятъ, опускаясь сейчасъ за уткой, но утята увертываются, крѣпко держась за мать и другъ за друга. Долго

приходится воротамъ отворять-ся и захлопываться, пока ни отберутъ у матери всѣхъ, до-послѣдняго утятъ, и этимъ оканчивается игра.

ПОСЛОВИЦЫ.

ПРАВДА.

Хлѣбъ соль кушай, а правду слушай.

На правду мало словъ: либо да, либо нѣтъ.

Худаго не хвали, хорошаго не кори.

Всякъ правду знаетъ, да не всякъ правду баетъ.

Правда свѣтлѣе солнца.

Кривды много, а правда одна.

Всякая неправда грѣхъ.

ВРАНЬЕ.

Всѣхъ врунovъ не переврешь.

Соврешь не помрешь, да впередъ не повѣрятъ.

Извѣришься въ иглѣ, не повѣрятъ въ рублѣ. (Будь въ маломъ правдивъ и въ большомъ станутъ вѣрить).

Враньемъ (или неправдой) весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься.

ТРУСОСТЬ.

Трусъ самъ своей тѣни боится.

Воевать тебѣ, на печи съ тараканами.

Храберъ послѣ рати, какъ залѣзъ на полати.

Не струшу, хоть на грушу!

Сам-семъ всемеромъ и на кашу не страшно!

НЕРѢШИМОСТЬ, БЕСТОЛОЧЬ.

Кто въ лѣсъ, кто по дрова,

Изъ короба не лѣзетъ, въ коробъ нейдетъ и короба не отдаетъ!

Ни да, ни нѣтъ, ни туда, ни сюда, ни взадъ, ни впередъ.

Ни тпру, ни ну, ни подгору, ни вгору.

Холоду не любитъ, а въ жару не спитъ.

Много шуму, да мало толку.

ПОХВАЛЬБА.

Самъ поетъ, самъ слушаетъ, самъ, похваливаетъ.

Высоко летаешь, да низко садишься.

Звонко поешь, да гдѣ-то сядешь?

Хвались, да не поперхнись.

Похвальное слово гнило.

Въ хвасти нѣтъ сласти.

ГЛУПОСТЬ.

Изъ дурака и плачъ смѣхомъ претъ.

Радъ дуракъ, что пирогъ великъ, радъ и пирогъ, что у дурака ротъ великъ!

На умнаго печать, на глупаго замокъ.

Чего нѣтъ въ головѣ, того къ ушамъ не пришьешь.

ЖАДНОСТЬ.

Самъ сытъ, да глаза голодны.

Всего добра не переѣшь.

Ложка узка, хватаетъ по два куска: развести ее пошире, чтобъ брала по четыре!

НЕУДАЧА.

Придетъ солнышко и къ нашимъ окошечкамъ.

Наше счастье комомъ сжалось.

Ни то ни се кипѣло, да и то пригорѣло.

Ѣхало не ѣдетъ и ну не везетъ.

Ладилъ мужичокъ челночокъ, а свелъ на уховертку.

ЛѢНЬ.

Лѣнивому всегда праздникъ.

Сёмъ пересёмъ, какъ-бы день перешелъ.

Убить бы день, а ночи не увидимъ.

Рано встала, да мало напряла.

Работа въ рукахъ плеснѣетъ.

Только бы пѣть, да гулять, да дѣла не знать.

Что дѣлаешь? Ничего. А онъ что? Помогать пришелъ.

Титъ, поди молотить!—Спина болитъ. Титъ, поди кашу ѣсть! — А гдѣ моя большая ложка?

У него лѣнь запазухой гнѣздо свила.

ТРУДЪ.

Дѣло пытаешь, аль отъ дѣла лытаешь?

Дѣла ищешь, или отъ дѣла рыщешь?

Не то забота, какъ много работы, а то забота, какъ нѣтъ ея!

Вздохни, да охни, а свое отбывай. (Трудись).

Десятью прикинь, однова отрѣжь.

Не начавши, думай, а начавши, дѣлай.

БѢДНОСТЬ.

Шеголь Ивашка, что ни годъ, то рубашка!

Хорошъ молодецъ, ни козъ, ни овецъ!

Два вѣника въ коробѣ, да мышь въ подпольѣ. (Все богатство).

Ни кола, ни двора, ни пригороды.

Въ одномъ карманѣ пусто, въ другомъ нѣтъ ничего.

Горе наше, гречневая каша, а поѣлъ бы и такой, да нѣтъ никакой.

Гдѣ голъ береть? Голи Богъ даетъ.

ЧУЖОЕ.

Береги чужое пуще своего.

Чужое добро страхомъ огорожено.

Не хитро взять, хитро отдать.

Берешь руками, а отдаешь ногами.

ОБИДА, ССОРА.

Шути пока краска въ лице не вступила.

Иной смѣхъ плачемъ отзывается.

Лучше не договорить, чѣмъ переговорить.

Сказаное словцо серебряное, а несказаное золотое.

За вѣтромъ не угоняешься, за каждное слово не поверстаешься.

Ѣшь пирогъ съ грибами, да держи языкъ за зубами.

Ссора до добра не доведетъ.

Лады, что у кошки съ собакой.

У Фили пили, Филю и били.

ЗЛОБА.

Не поворчавъ, кошка куска не съѣсть.

На зло, да на перекоръ, да людямъ въ укоръ.

Кто захочетъ собаку ударить, найдетъ и палку.

СМѢХЪ.

Скоро не споро.

На скорую ручку, комкомъ, да въ кучку.

И готово, да безтолково.

Тяпъ, ляпъ, да и корабль.

Скоро поѣдешь, не скоро доѣдешь.

Поспѣшишь, людей насмѣшишь.

Скоръ, торопливъ, обувшись парится.

ИСПОДВОЛЬ, ТЕРПѢНЬЕ.

Тише ѣдешь, дальше будешь.

Курица по зернышку клюетъ, да сыта живетъ.

Не велика капля, а камень долбитъ.

По каплѣ дождь идетъ, а дождь рѣки поитъ, рѣками моря стоятъ.

БЕСТОЛОЧЬ.

Ты ему стелешь вдоль, а онъ мѣритъ поперекъ.

Толкъ-то есть, да не втолканъ весь.

Далъ бы ума, да своего мало.

Пошло дѣло на ладъ, словно одинъ держитъ, другой не пускаетъ.

Акуля, что шьешь неоттуля?
Да я, матушка, еще пороть стану.

РАЗНОЕ.

Міръ, что огородъ, въ немъ все растетъ. (И хорошее и худое).

Не честно (не привѣтливо) просишь, не охотно дать.

Своего спасиба не жалѣй, а чужаго не жди.

Любишь кататься, люби и саночки возить.